А.Л.Никитин

МЕСТО КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО СПИСКА В РУКОПИСНОЙ ИСТОРИИ "ЗАДОНЩИНЫ"

Вопрос о времени возникновения того или иного историко-литературного текста Средневековья и его дальнейших метаморфозах в случае отсутствия точной даты или же свидетельства современников всегда остается открытым для внесения уточнений. Одним из таких дискуссионных памятников является "Задонщина", известная сейчас по шести спискам, датируемым временем от второй половины XV в. (К-Б) до второй половины XVII в. (Ж), и представляющих, по мнению Л.А.Дмитриева и Р.П.Дмитриевой (следующих в этом за Р.О.Якобсоном), "текст одной редакции, но в двух изводах"[1]. Исчерпывающая библиография, приведенная в их работах, освобождает меня от необходимости излагать историю изучения данного памятника, тем более, что в настоящей заметке делается попытка уточнения лишь одного частного вопроса, не требующего рассмотрения его истории ab ovo. Речь идет о выяснении рукописной истории "Задонщины" и взаимозависимости ее списков, разночтения которых не всегда можно объяснить, а также связям "Задонщины" с текстом "Слова о полку Игореве", которому в ряде фрагментов она следует текстуально, репликационно и композиционно.

Как известно, решение последнего вопроса осложняется наличием "Сказания о Мамаевом побоище", в котором представлены реплики тех же фрагментов "Слова о полку Игореве", что и в "Задонщине". Поскольку "Сказание..." появилось позднее "Задонщины" (его самые древние списки датируются не ранее первой половины XVI в.), часть исследователей[2] полагает вслед за А.А.Шахматовым, что источником заимствований для "Задонщины" и "Сказания..." было не само "Слово о полку Игореве", а некий промежуточный текст, названный им "Словом о Мамаевом побоище"[3]. Однако такое предположение до сих пор не нашло никакого реального подтверждения. Это вынуждает снова обратиться к рассмотрению имеющихся списков "Задонщины" и к вопросу о времени ее создания.

Попыткой решения этой задачи стала появившаяся в 1985 г. статья В.А.Кучкина[4]. Изложив историю изучения вопроса своими предшественниками, большинство которых склонялось к признанию "Задонщины" памятником середины или второй половины XV в., историк, будучи сторонником ранней даты создания памятника и следуя в этом за М.Н.Тихомировым[5] и Г.Н.Моисеевой[6], попытался использовать для этой цели содержащийся в текстах "список горо-

дов", к которым "шибла слава" (т.е. весть) о поражении Мамая и победе русских войск на Куликовом поле.

"Шибла слава к Железнымъ вратом, к Риму и к Кафы по морю, и к Торнаву, и оттоле к Царюграду" (И–1, с. 543).

"А глава шибла к Железным вратам, ли къ Караначи, к Риму и х Сафе по морю и к Которнову, и оттоле ко Царюграду" (У, с. 538).

"Шибла слава к мору и Ворнавичом и к Железным вратом, ко Кафе и к турком и ко Царуграду" (У, с. 553).

Наличие в этом перечне города Тырново (Торнав, Которнав), столицы Второго Болгарского царства, захваченного турками в 1393 г., дало основание М.Н.Тихомирову заключить, что "первоначальный текст "Задонщины" составлен был не позднее этого года"[7]. В.А.Кучкин пошел в этом направлении дальше, воспользовавшись отождествлением Г.Н.Моисеевой "Каранача" и "Воронавича" с городом Орначем/Ургенчем[8], разрушенном Тимуром в 1388 г., который он посчитал для данного вопроса как terminus ante quem[9].

Как известно, любое заключение в отношении ряда компонентов, сделанное на основе истолкования одного из них, должно соответствовать всем остальным. Однако, подобно своим предшественникам, В.А.Кучкин обошел молчанием причину упоминания в этом ряду остальных городов, заставляя предполагать в них, как в Орначе/Ургенче, крупные торговые центры Средневековья, для которых это известие могло представлять определенный интерес. На самом деле, это не соответствует действительности, поскольку ни Рим (в Италии), ни Тырново (в Болгарии) не только в конце XIV в., но и вообще когда-либо такой роли не играли.

Другим аргументом в пользу раннего (в 80-х гг. XIV в.) возникновения "Задонщины", который В.А.Кучкин привел в своей следующей работе[10], стало "родословие" Ольгердовичей ("сынове Олгордовы, а внуки мы Доментовы, а правнуки есми Сколомендовы" [У, с. 536]), рассмотренное в свое время Е. Охманьским[11]. То, что данная характеристика восходит к архетипу "Задонщины", подтверждает Кирилло-Белозерский (К-Б) список, где читаются "дети Вольярдовы, внучата Едиментовы, правнучата Сколдимеровы" (с. 549). Выяснив, что Сколоменд был не прадедом, а прапрадедом Ольгердовичей, польский историк решил, что столь достоверную (хотя и с ошибкой) информацию автор "Задонщины" мог получить только от самих Ольгердовичей или из их непосредственного окружения, а сами они, в первую очередь Андрей Ольгердович, могли слышать ее от самого Гедимина. Полностью согласившись с Е.Охманьским, В.А.Кучкин уточнил время пребывания литовских князей в Москве и сделал вывод, что "если свою родословную помнил только князь Андрей, то автор "Задонщины" мог получить эти

сведения до 1385 г. и около того же времени внести их в свое произведение"[12].

Между тем для рассматриваемой эпохи доскональное значение генеалогии собственной и всех остальных представителей привилегированных классов своего государства было обязанностью и главным предметом их образования "с младых лет", поскольку на этих знаниях основывались все последующие между ними отношения и "счеты", одинаково при заключении браков, мира, дележа земель, места в процессиях, на приемах или за столом. Естественно, что в Москве XV в., которая постоянно то враждовала, то роднилась с Литвою, "узнать" родословие великих князей литовских по нисходящим и восходящим линиям для "книжного" человека, каким являлся автор "Задонщины", не представляло никакого труда.

Но вернемся к перечню городов, который, за исключением "Рима", фигурирует только в списках так называемой Полной редакции и отсутствует в Кирилло-Белозерском списке, открытие которого вызвало непрекращающиеся до настоящего времени и далеко идущие споры между исследователями как о нем самом, так и о проблемах, связанных с "Задонщиной" в целом — ее отношении к "Слову о полку Игореве", времени и месте ее написания, приурочиваемом А.Д.Седельниковым к Пскову[13], что теперь вызывает особенный интерес в связи с наблюдениями Л.П.Жуковской над текстом "Слова о полку Игореве"[14], и пр.

Исключительный интерес списка К-Б обусловлен теми обстоятельствами, что известен его переписчик, инок Кирилло-Белозерского монастыря Ефросин, и время его работы — 80-е гг. XV в. Более точно датировать время написания списка К-Б не представляется возможным потому, что лл. 123–129 об. сборника Ефросина, происходящего из Кирилло-Белозерского собрания ГПБ, которые занимает "Писание Софониа старца рязанца", как озаглавлена "Задонщина", не имеют филиграней и датируются по бумаге других листов сборника № 9/1086[15]. Тем не менее, список К-Б является древнейшим из известных и, что особенно любопытно, содержит ряд чтений, отличных от более поздних списков, которые не могут быть объяснены только "сокращениями Ефросина"[16], а потому приобретают принципиальное значение.

К их числу принадлежит фрагмент "воды возпиша, весть подаваша порожнымь землямь, за Волгу, к Железнымь вратомь, к Риму, до Черемисы, до Чяховъ, до Ляховъ, до Устюга поганых татар, за дышущеемь моремь" [с. 549–550], который находится в списке К-Б на месте упомянутого перечня городов, куда "шибла слава". Последнее тем более неожиданно, что весь этот фрагмент традиционно полагают "репликой" на соответствующее место текста "Слова о полку Игореве" ("дивъ... велить послушати земли незнаеме, Влъзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню..."). Между

тем, здесь, кроме реминисценций "Слова о полку Игореве" ("земли незнаеме" — "порожние земли", "Влъзе" — "за Волгу"), мы находим перефразированное заимствование из "Слова о погибели Руской земли" ("до ляховъ, до чаховъ... до Устьюга, где тамо бяху тоймици погании, и за дышючимъ моремъ... до черемисъ... а угры твердяху... городы железными вороты"[17]). Другими словами, здесь имеет место безусловная контаминация мотива "Слова о полку Игореве" ("весть подаваша") и топонимов и этнонимов "Слова о погибели..." ("ляхи", "чяхи", "черемисы", "Устюг", "дышащее море", "железные врата") при усвоении Устюга (о котором, как видно, автор никогда не слышал) "поганым татарам" и осмыслением городских "железных ворот", которыми "угры... городы твердяху" в качестве топонима "Железные врата", т.е. г. Дербента средневековых русских текстов[18].

Естественно задаться вопросом: какой смысл вкладывал автор "Задонщины" в этот перечень ориентиров, выстроенный на рецензии двух поэтических памятников весьма отличного друг от друга содержания? Ответ, как мне представляется, подсказывает сама ситуация, поскольку из "Слова о полку Игореве" заимствована идея "вести", только теперь уже вести о победе, адресованной всем тем "порожным землям", которые испытали последствия поражения от "поганых" ("и оттоля Руская земля седит невесела... тугою и печалию покрышася, плачющися, чады своя поминаюты" [с. 535]). Этот же факт позволяет объяснить появление в списке К-Б "Рима", поскольку в данном контексте он мог быть заимствован автором "Задонщины" только из текста "Слова о полку Игореве", где "у Рим кричат под саблями половецкими", т.е. испытывают агрессию тех самых "поганых", над которыми "православными князьями" наконец одержана победа. При этом совершенно неважно, насколько для автора "Задонщины" оказывался реален этот Римов/Рим, ибо используемый им текст в новом произведении обретал такую же "виртуальную реальность", какой для его современников была вся Священная история, совершавшаяся одновременно как в прошлом, так и "здесь и сейчас".

Поскольку реализация идеи "славы" остается неизменной и после появления в Пространной редакции "Задонщины" перечня городов, попробуем разобраться, когда и почему перечень списка К-Б при сохранении всего остального текста потребовалось заменить другим, уже не связанным ни со "Словом о полку Игореве", ни со "Словом о погибели...". Вопрос тем более интересен, что данный пассаж характерен только для "Задонщины". Он отсутствует в Пространной летописной повести и во всех редакциях "Сказания о Мамаевом побоище", будучи внесен уже компиляторами XIX в. в текст печатного (лубочного) варианта Основной редакции "Сказания о Мамаевом побоище", содержащего многочисленные заимствования из "Задон-

щины"[19]. Последнее обстоятельство позволило Р.П.Дмитриевой, задача которой состояла в опровержении постулата Я.Фрчека и А.Мазона, "что Кирилло-Белозерский вариант "Задонщины" — древнейший"[20], предположить наличие в К-Б не только сокращений, сделанных Ефросином в процессе переписки, но также и двух дополнений. Первым из них она посчитала фрагмент "не одина м(а)ти чада изостала, и жены болярскыя мужеи своихъ и осподаревъ остали, гл(агол)юще к себе: уже, сестрици наши, мужеи нашихъ в животе нету, покладоша головы свои у быстрого Дону за Рускую землю, за с(вя)тыя церкви, за православную веру з дивными удалци, с мужескыми с(ы)ны" (Тексты. С. 550), вторым — "перечень адресатов", обосновывая это бережным отношением Ефросина к фактам и, наоборот, стремлением освободиться от поэтических описаний путем сокращений[21].

Посмотрим, насколько последнее соответствует действительности.

В своей работе Р.П.Дмитриева следовала Р.О.Якобсону, который выделил списки К-Б и С (а с ними и Печатный вариант) в особый "Синодальный извод" (Син) "Задонщины", отличный от остальных списков (извод Унд) и непосредственно восходящий к архетипу[22], хотя уже сравнение заимствований в "Задонщину" из "Слова о полку Игореве", предпринятое В.П.Адриановой-Перетц по всем спискам[23], и затем более подробно — А.А.Горским[24], показало несостоятельность разделения списков "Задонщины" на изводы.

Сравнивая тексты списков К-Б и С в той части, которая соответствует К-Б, можно обнаружить, что Ефросин сократил при редактировании такие исторически важные факты, как поминание Софония и князей ("И здесь помянем Софона резанца, сего великого князя Дмитрея Ивановича и правнука с(вя)того князя Володимера Киевского и брата его Владимера Андреевича..." [с. 551]), сообщение о новгородской подмоге, читающейся во всех остальных списках извода Унд ("Як тые слова измовили, а уже какъ орли слетишася, выехали посадники все из Великого Новогорода 70 000 кованыя рати к великому Дмитрею Ивановичу, ко брату его кн(я)зю Володимеру Андреевичу..." [там же]), указание на то, что Андрей Ольгердович — "брянский", а Дмитрий Ольгердович — "волынский" [с. 552], большой фрагмент с родословием московских и литовских князей (от "и рече кн(я)зь Дмитреи Иванович брату своему кн(я)зю Володимеру Ондреевичу" до "ищут бо собе чести и славы и великого имени") [с. 553], а также список бояр и князей белозерских (от "не турове рано возрули" до "лежит побита и постреляна" [там же]).

Вместе с тем, в списке К-Б можно видеть сохраненными поэтические фрагменты, соответствующие фрагментам списка С,— обращение к жаворонку (от "а жаворонок, летьняя птица" до "поле Половецкое" [с. 551]), описание московской рати (от "уже, брате, стук

стучит и гром гримит" до "а мои подеманы" [с. 552]), и последующие картины грядущей битвы, перекликающиеся с текстом "Слова о полку Игореве" (от "вжо, брате, возвеяша сильныя ветри" до "а лисицы на костех брешут" [там же]).

Как можно убедиться, приведенные примеры расходятся с выводами Р.П.Дмитриевой так же, как и с ее предположением о "правке" (точнее — замены) Ефросином фрагмента с перечнем конкретных городов весьма поэтическим и расплывчатым текстом, якобы именно им сконструированным из двух произведений "Слова о полку Игореве" и "Слова о погибели Русской земли". Такому предположению противоречит искажение заимствованного текста, который приобрел вид "до Устюга поганыхъ татаръ" (вместо "до Устьюга, где тамо быху тоймици погании"), что никак не мог сочинить Ефросин, живший сравнительно недалеко от этого Устюга, а, равным образом, тот факт, что в составе литературного наследия Ефросина до сих пор не обнаружено никаких признаков его знакомства с текстом "Слова о погибели..." или хотя бы с "Житием Александра Невского", которому оно иногда предшествует, и с текстом "Слова о полку Игореве"[25]. Более того, внимательное сравнение списка С со списками извода Унд убеждает в их полном согласии и в том безусловном факте, что по отношению к сокращенному и изначально неполному (отсутствует вся вторая часть текста "Задонщины") списку К-Б все они представляют не особый извод, *как то считали Р.О.Якобсон и Р.П.Дмитриева*, а лишь другую, более позднюю редакцию памятника, чем та, что отражают переписанные Ефросином фрагменты. Обратная же зависимость оказывается невозможной потому, что требует предположения о вторичном обращении редактора "Задонщины" к "Слову о полку Игореве" и к "Слову о погибели..." для замены четкого перечня городов расплывчатым текстом, опирающимся, к тому же, на два (!) памятника, что вынуждены были допускать "скептики".

Так мы приходим к неизбежному заключению, что в руках Ефросина находился список первой части "Задонщины", оборванный на "плаче" московских жен и отличный от остальных известных списков двумя фрагментами, один из которых, скорее всего, был просто утрачен при переписке протографом "извода Унд", а второй — переработан в "список городов". Он состоит из Рима, "Железных ворот" (Дербента), Тырново, Орнача/Ургенча, Царьграда и Кафы, причем последнее имя заимствовано, скорее всего, из Пространной летописной повести, указывающей город, куда бежал Мамай[26]. Наличие в нем "Железных ворот" и "Рима" свидетельствует о безусловной зависимости всех известных списков "Задонщины" от общего протографа, т.к. топоним "Железные врата", в отличие от "Рима", заимствован не из текста "Слова о полку Игореве" — его там нет, — а из переосмысления реалий "Слова о погибели...", как я

показал выше. Соответственно, факт этот вызывает необходимость объяснения подобной замены и "знакового ряда" именно этих населенных пунктов в восприятии редактора и читателей конца XV в. Путь к решению этой задачи оказался намечен уже упоминавшимися работами М.Н.Тихомирова, Г.Н.Моисеевой и В.А.Кучкина, которые попытались определить terminus ante quem написания "Задонщины", опираясь на даты гибели двух из названных городов — Тырново от турок и Орнача/Ургенча — от Тимура. В контексте последних десятилетий XIV в. такие наблюдения могли иметь значение только в том случае, если их можно было бы распространить на весь этот ряд, тогда как для конца XV в. всякое упоминание этих городов, казалось, теряло смысл, как об этом писал Кучкин, полемизируя с Лурье[27].

Между тем, определенный смысл в именно таком "знаковом ряде" для конца XV в. безусловно присутствовал, но понять его можно было, только обнаружив общую черту, которой в сознании автора "Задонщины" были отмечены все эти города. Как можно видеть, все они были захвачены иноземными (иноверными) завоевателями, что в ряде случаев привело к их гибели. Рим (летописный Римов) пострадал в 1185 г. от половцев, о чем сообщало русским читателям "Слово о полку Игореве" и подтверждала Ипатьевская летопись; Орнач/Ургенч был разрушен Тамерланом в 1388 г. и примерно тогда же пал Дербент ("Железные врата"); Тырново было захвачено в 1393 г., когда Болгария была завоевана турками; Царьград захвачен турками в 1453 г.; Кафа (Феодосия) — в 1475 г. Можно спорить об актуальности упоминания Рима/Римова, Орнача/Ургенча и Железных ворот/Дербента для читателя и слушателя "Задонщины", но никак не о Тырнове и Царьграде, с которыми теснейшим образом была связана русская Церковь, и не о Кафе, с которой велась интенсивная торговля Москвы и других русских княжеств. И менее всего приходится сомневаться в той идее, которая оказалась заложена еще в первой редакции "Задонщины" при сообщении "победных реляций" землям, испытавшим все ужасы иноплеменного нашествия — надежды на освобождение от ига "измаилтян".

В конце XV в., когда Москва смогла освободиться от ордынской зависимости и впервые обратилась к сюжетам своего исторического прошлого[28], ее книжникам вполне естественно было вспомнить о тех, кто также попал под иго "агарян и измаилтян", поэтому "слава" (весть) о победе на Куликовом поле над общим врагом "православия", по мысли редактора, должна была вселить в них надежду на освобождение. И надо сказать, что для болгар и греков, т.е. для обитателей Тырново и Царьграда, такая надежда на протяжении четырех столетий была неизменно связана с Россией. Видимо для этого после брака Ивана III на Софье Фоминичне Палеолог, когда Москва становилась "третьим и последним Римом правосла-

вия", и была проведена соответствующая редактура текста "Задонщины".

В пользу этого можно привести следующие наблюдения.

В одной из публикаций, посвященной биографии Александра Пересвета[29], я указал на замечательный "спектр имен" противоборствующего ему на Куликовом поле "печенежина", пришедшего из летописи[30], поскольку никаких поединков в XIV в. не было и они прямо запрещались той и другой стороной, как не было в то время уже и "печенегов": татарин Таврул ("Сказания...", с. 406), захваченный в 1240 г. под стенами Киева[31], Темир-Мурза (Киприановская редакция "Сказания...")[32], т.е. сам Тимур, и Челубей[33], т.е. Челяби-эмир, взявший в 1393 г. Тырново. Каждое такое имя отмечает врагов-иноверцев, против которых в той или иной редакции "Сказания о Мамаевом побоище" облеченный в схиму Пересвет ("Задонщина" еще не знает его "иночества"!) выступает мстителем за старые обиды и — побеждает. Если вспомнить ту основополагающую роль, которую сыграл текст "Задонщины" в создании "Сказания о Мамаевом побоище", трудно найти лучшее подтверждение актуальности и жизненности именно этих идей русского книжника конца XV в.

Таким образом, можно видеть, что перечень городов в "Задонщине" действительно оказывается важным индикатором при датировке второй редакции памятника, только не как terminus ante quem, а как terminus post quem, позволяя рассматривать список К-Б в качестве дефектного списка первой редакции, более ранней, чем редакция всех остальных списков. Последнее признает и В.А.Кучкин на основании рассмотрения термина "дети боярские", получившего распространение в 60-70-х гг. XV в., каковым временем историк считает "логичнее" датировать новую редакцию. Таким образом, отсутствие термина "дети боярские" в списке К-Б может объясняться не тем обстоятельством, что в первой редакции "Задонщины" он отсутствовал, а тем, что содержащий его фрагмент находится за пределами текста, переписанного Ефросином. Если же термин этот появился только во второй редакции, на чем настаивает В.А.Кучкин, то ее оформление могло произойти в интервале от 1475 г. до середины XVI в., каковым временем датируется наиболее древний список "извода Унд" — список И–1 (ГИМ).

В тексте всех полных списков "Задонщины" присутствует еще один сюжет, также не отраженный в списке К-Б, что может свидетельствовать скорее о дефектности оригинала, которым располагал Ефросин, чем о возможном его сокращении, ввиду уникальности данного известия. Речь идет о выезде новгородского ополчения, по одной версии — в семь тысяч (У), по другой — в семьдесят тысяч (И–1, С) человек, на помощь московскому князю, что является прямой выдумкой сочинителя. Такая версия могла возникнуть лишь

много времени спустя после реальных событий, но никак не в конце XIV в. Последнее обстоятельство не было учтено в свое время ни М.Н.Тихомировым, ни В.А.Кучкиным[34], которые основывали датирование "Задонщины" лишь временем гибели Тырново и Орнача/Ургенча. Не случайно развернутый эпизод с принесением в Новгород вести о нашествии Мамая, молении архиепископа Евфимия (к слову сказать, жившего полвека спустя после Куликовской битвы![35]), решения новгородцев идти на помощь Москве, выступления из Новгорода и приходом к сбору войск на Коломну появляются только в Распространенной редакции "Сказания о Мамаевом побоище", сложившейся не ранее начала XVII в. под влиянием "Задонщины"[36]. Однако если когда-нибудь будет открыт новый список первой редакции, содержащий этот фрагмент, вопрос о сложении "Задонщины" не ранее середины XV в. будет решен окончательно и бесповоротно.

Таким образом, полученные результаты нисколько не проясняют вопрос о существовании гипотетического "Слова о Мамаевом побоище" как посредника между "Словом о полку Игореве" и "Задонщиной", заставляя вернуться к мысли о воздействии "Слова о полку Игореве" на "Сказание о Мамаевом побоище" не прямо, а опосредованно, т.е. через текст самой "Задонщины"[37], как это произошло, например, с сюжетом о "новгородской помочи".

Итак я полагаю, что изложенные наблюдения позволяют считать, что список К-Б отражает изначально дефектный, а затем и сокращенный Ефросином текст первоначальной редакции "Задонщины", позволяющий отнести все остальные списки "Пространного вида" к второй редакции, возникшей после 1475 г., и утверждать наличие только одного извода этого памятника, существовавшего в двух редакциях текста. Что же касается времени создания "Задонщины", то наличие в текстах второй редакции фрагмента с "новгородской помочью", связанной в Распространенной и последующих редакциях "Сказания о Мамаевом побоище" с "архиепископом Евфимием", не позволяет относить его ранее 60-х гг. XV в.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дмитриев Л.А. "Задонщина". // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 346; Дмитриева Р.П. Взаимоотношение списков "Задонщины" и текст "Слова о полку Игореве". // "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла. М.-Л., 1966. С. 199–263, стемма на с. 262. В последующем все ссылки на списки "Задонщины" даются по этому изданию [С. ...], используя принятые условные их обозначения.

[2] Григорян В.М. "Слово о полку Игореве" и "Задонщина". // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980. С. 72–91; Дмитриева Р.П. Об авторе "Задонщины". // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 360–368 и др.

[3] Шахматов А.А. Отзыв о сочинении С.К.Шамбинаго: "Повести о Мамаевом побоище" СПб., 1906. // Отчет о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1910. С. 180–181.

[4] Кучкин В.А. К датировке Задонщины. // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 113–121.

[5] Тихомиров М.Н. Древняя Москва (XII–XV вв.). М., 1947. С. 202.

[6] Моисеева Г.Н. К вопросу о датировке Задонщины (наблюдения над пражским списком Сказания о Мамаевом побоище). // ТОДРЛ. Т. XXXIV, Л., 1979. С. 220–239.

[7] Тихомиров М.Н. Древняя Москва.... С. 202.

[8] Моисеева Г.Н. К вопросу.... С. 220–221.

[9] Кучкин В.А. К датировке Задонщины.... С. 118.

[10] Кучкин В.А. О термине "дети боярские" в Задонщине. // ТОДРЛ, L. СПб., 1997. С. 347–358.

[11] Охманьский Е. Гедиминовичи — "правнуки Сколомендовы". // Польша и Русь. М., 1974. С. 359–362.

[12] Кучкин В.А. О термине.... С. 349.

[13] Седельников А.Д. Где была написана "Задонщина"? // Slavia. T. IX, Praha, 1930. P. 524–536.

[14] Жуковская Л.П. О редакциях, издании 1800 г. и датировке списка "Слова о полку Игореве". // "Слово о полку Игореве" и его время. М., 1985. С. 68–125.

[15] Каган М.Д., Понырко Н.В., Рождественская М.В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина. // ТОДРЛ. XXXV. Л., 1980. С. 106 и 120.

[16] Дмитриева Р.П. Приемы редакторской правки книгописца Ефросина (к вопросу об индивидуальных чертах Кирилло-Белозерского списка "Задонщины"). // "Слово о полку Игореве" и памятники.... С. 281–291.

[17] "Слово о погибели Рускыя земли и по смерти великого князя Ярослава". // ПЛДР, XIII век. М., 1981. С. 130.

[18] См., напр.: [Дмитриев Л.А., Лихачева О.П.] Историко-литературный комментарий. // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 385. Предположить в данном случае заимствование перечня народов не из "Слова о погибели...", а из летописной повести 6619/1111 г. ("възвратишася русьтии князи въ своиси съ славою великою къ своимъ людемъ и ко всимъ странамъ далнимъ, рекоуще къ грекомъ и оугромъ, и ляхомъ, и чехомъ, дондеже и до Рима проиде на славу Богу" [ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 273]) не представляется возможным из-за наличии в перечне списка К-Б "Устюга" и "железных ворот". Наоборот, такая параллель "Повести 1111 г." при ее безусловной интерполированности в текст ПВЛ, ставит вопрос о зависимости ее окончательной редакции от "Слова о погибели..." и о времени такой интерполяции.

[19] "Поиде же весть по всем градом ко Орначу, к Риму и Кафе и к Железным вратом и ко Царюграду" (Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 126).

[20] Дмитриева Р.П. Приемы редакторской правки.... С. 291.

[21] Там же. С. 286.

[22] Дмитриева Р.П. Взаимоотношение списков.... С. 262–263.

[23] Адрианова-Перетц В.П. "Слово о полку Ігоревім" і "Задонщина". // Радянське літературознавство. Київ, 1947. № 7–8. С. 135–177.

[24] Горский А.А. "Слово о полку Игореве" и "Задонщина". Источниковедческие и историко-культурные проблемы. М., 1992. С. 101 и 119.

[25] Каган М.Д., Понырко Н.В., Рождественская М.В. Описание сборников.... С. 106.

[26] Сказания и повести.... С. 24.

[27] Кучкин В.А. О термине.... С. 348.

[28] Кусков В.В. Ретроспективная историческая аналогия в произведениях Куликовского цикла. // Куликовская битва в литературе и искусстве.... С. 39–51.

[29] Никитин А. Одиссея Александра Пересвета. // НиР, 1990. № 5. С. 36.

[30] ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 107–108.

[31] ПСРЛ. Т. 2. Стлб. 784.

[32] Сказания и повести.... С. 64.

[33] "И яко близъ съ собою войска схождахуся, се выйде татаринъ единъ с полку татарского именемъ Челубей, пред всеми являяся мужествомъ, яко древний онъ Голиад" ([Армашенко И.] Синопсис. Киев, 1680. С. 160; о подлинном авторе "Синопсиса" см.: Чистякова Е.В. Синопсис. // ВИ, 1974, № 1. С. 215–219). Именно из "Синопсиса" Челубей пришел в лубочную литературу XVIII–XIX вв., а затем в произведения художественной литературы и искусства, полностью вытеснив своих предшественников.

[34] Последний, вслед за С.Н.Азбелевым, склонен видеть здесь отражение реального исторического факта ([Кучкин В.А.] Пространная редакция Задонщины по Синодальному списку. Примечания // Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 106.

[35] Среди архиепископов Великого Новгорода было только два с этим именем — Евфимий I Брадатый, занимавший кафедру в 1424–1428 гг. и сменивший его Евфимий II Вяжицский, находившийся на кафедре с 1428 по 1434 г. Естественно, ни один из них не мог отправлять "новгородское ополчение" на Куликово поле. С 1359 по 1388 г. кафедру занимал Алексей (Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 89 и 95).

[36] Дмитриев Л.А. Сказание о Мамаевом побоище // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 375.

[37] Дмитриев Л.А. Вставки из "Задонщины" в "Сказание о Мамаевом побоище" как показатели по истории текста этих произведений. // "Слово о полку Игореве" и памятники.... С. 385–439.